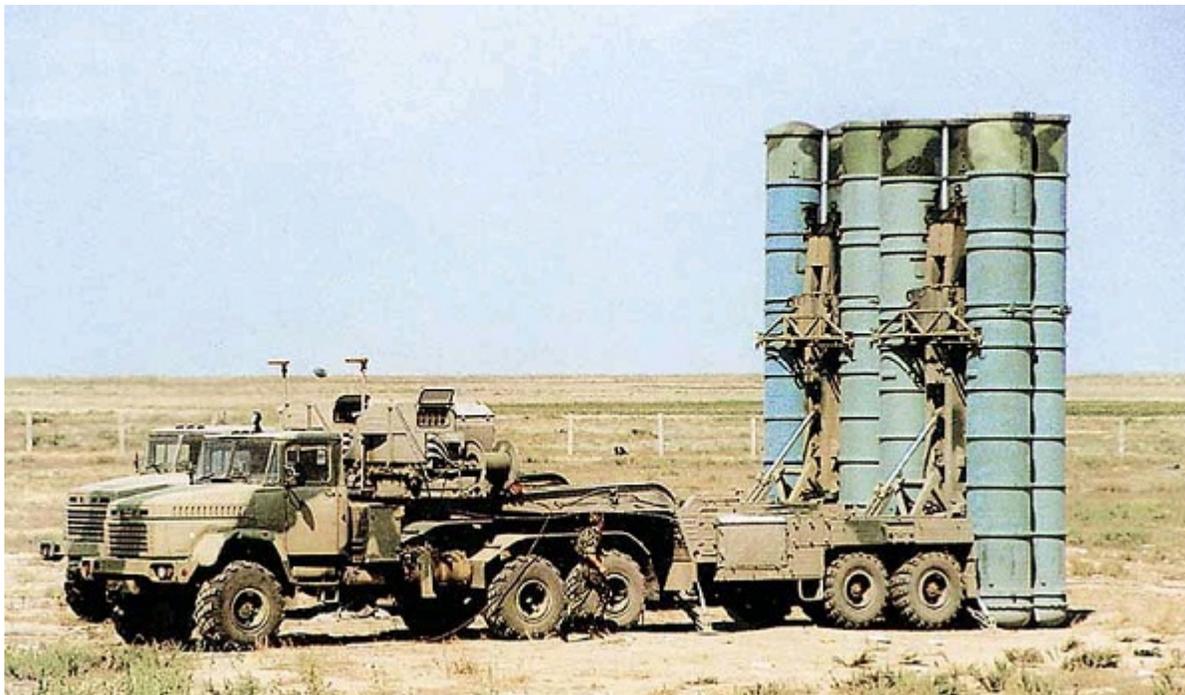

Д-р Зеэв Ханин: российские С-300 не станут препятствием для израильских ВВС

Зенитно-ракетный комплекс С-300

Что сулит «делка века» между Израилем и арабским миром, какой будет цена мирного соглашения с палестинцами и стоило ли Нетаниягу выстраивать отношения с Путиным — об этом и многом другом в интервью с политологом, профессором университетов Бар-Илан и Ариэль, приглашенным лектором магистерской программы по иудаике НаУКМА д-ром Зеэвом Ханиным.

— Последние полгода эксперты по Ближнему Востоку заинтригованы — Дональд Трамп обещает заключить «делку века» между Израилем и палестинцами, не раскрывая при этом деталей соглашения. О чем идет речь, и чем нынешняя инициатива отличается от усилий, предпринимаемых каждой американской администрацией по установлению мира на Ближнем Востоке?

— Во-первых, это тройственная сделка между Иерусалимом, Вашингтоном и Эр-Риядом, точнее, умеренными суннитскими режимами, что уже необычно.

Во-вторых, все планы по урегулированию ситуации в регионе за последние четверть века строились на идее о том, что конфликт между Израилем и палестинскими арабами — это территориальный конфликт, который разрешится созданием двух государств для двух народов.

Трамп же принял израильский довод о том, что это конфликт культурно-цивилизационный. Поэтому идея двух полноценных государств, живущих в мире друг с другом, себя исчерпала, хотя термин «мирный процесс» еще можно произносить вслух, что Трамп делает регулярно. Он, например, говорит нечто вроде: «Два государства для двух народов — хорошая идея. Но, по-моему, она не работает. А вообще, up to you — вам решать». Проходит время, и он изрекает: «Я думаю, что это лучшая идея, какая может быть». Все замирают. А он продолжает: «Но я не очень представляю, как ее можно было бы реализовать».

Президент США Трамп с премьер-министром Израиля Нетаниягу

Согласно новой доктрине, палестинские арабы получат определенную форму самоопределения — то, что премьер-министр Нетаниягу называет «государство-минус». У руля этого образования должно стоять новое поколение лидеров, которое может выйти и из среды радикальных националистов (то есть, ФАТХа), а возможно, и радикальных исламистов

(ХАМАСа), хотя последнее менее вероятно. Эксперимент начинается с сектора Газа, где сейчас идет кастинг, — есть пять кандидатов, и Мухаммед Дахлан (в прошлом — глава службы безопасности в секторе Газа, изгнанный оттуда ХАМАСом в Рамаллу, а затем и оттуда Абу Мазеном в ОАЭ) — один из них.

Утвердить кандидата предстоит Египту и Израилю в координации с Саудовской Аравией и США. Как только это произойдет, препятствий для очередной антитеррористической операции в секторе Газа уже не будет — если только нынешнее руководство радикальных исламистов не продемонстрирует готовность полностью отказаться от террора. Если этого не случится, то в отличие от прошлых операций, в рамках которых Израиль просто восстанавливал красные линии, эта операция должна быть короткой, беспрецедентно мощной и для режима ХАМАСа последней. Там это понимают, как понимают и то, что альтернативой могла бы стать их нормализация, что маловероятно, ибо нормализация Движения исламского сопротивления обесмысливает его суть. Поэтому ХАМАС постепенно нагревает границу, не переходя красную черту и демонстрируя, что с ним должны разговаривать или, по крайней мере, делать вид, что разговаривают.

— Допустим, все пойдет так, как задумано. Что будет представлять собой «государство-минус»?

— Некий набор анклавов, в отношении каждого из которых будет выстроена своя линия поведения. Возможно, чисто формально эти анклавы будут объединены в единую структуру. В конце концов, Сирия — тоже формально единая страна, но в реальности Асад контролирует Дамаск и окрестности, есть турецкая, курдская, американо-израильская зоны влияния, иранский анклав и т.д. Но все это называется Сирийской арабской республикой, которая имеет флаг, гимн и является членом Совбеза ООН. Примерно так будет выглядеть и палестинское образование.

Вопрос лишь в том, когда Трамп положит на стол это предложение. Но когда он его положит, Израиль примет новую концепцию, а Саудовская Аравия громко откажется ...сделав американскую инициативу предметом дальнейшего обсуждения. Начнется разговор, в ходе которого ключ от арабо-израильского мира будет вытаскен из кармана Палестинской администрации. И если первоначальная версия «сделки века» позволяла Абу Мазену вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда, то нынешний вариант,

судя по всему, не предусматривает и этого.

Сделка века должна стать сделкой перевернутой пирамиды — сначала мы договариваемся с арабским миром, а потом принимаем совместное решение в отношении самоопределения палестинских арабов. И тут надо отдать должное Абу Мазену — единственное, в чем он преуспел, — так это в том, что зацепил ногу умеренных суннитских режимов в палестинском капкане. Пока они не в состоянии ее оттуда вытащить. Они столько лет убеждали свои народы, что все их проблемы — из-за сионистского агрессора, что сегодня сделать разворот на 180 градусов этим режимам почти невозможно.

Абу Мазен на переговорах с Дональдом Трампом в Белом доме, май 2017

— В конце августа президент США откровенно заявил, что «в переговорах с Палестиной по мирному урегулированию Израиль должен будет заплатить большую цену, потому что они уже получили очень большую выгоду», имея в виду перенос американского посольства в Иерусалим. Так насколько велика будет эта цена? И готовы к ней Израиль?

— Прежде всего, Трамп дезавуировал это заявление уже дважды. Перед

уходом в отставку Никки Хейли подчеркнула, что перенос посольства — не аванс, и США не потребует у Израиля заплатить за это. К тому же высокая цена — понятие субъективное. Когда во времена Обамы обсуждалась Парижская мирная инициатива, практически идентичная арабской инициативе в наиболее ее жестком варианте, все говорили, что ради мира эта цена вполне разумна и умеренна. Сегодня же автономный анклав в Газе и 4 — 5 автономных анклавов на Западном берегу могут стать этой высокой ценой.

— Это то, на что недавно намекнул Трамп, мол, «палестинцы получают нечто очень нужное и важное для них на следующем этапе переговоров»?

— Речь, опять же, о некой форме политического самоопределения. Скорее всего, Израиль не получит согласие США на аннексию всего Западного берега, но большинство израильтян, включая членов нынешней правящей коалиции, этого и не требуют. Условия известны: аннексия поселенческих блоков, долгосрочный контроль над Иорданской долиной и важнейшими трассами в Иудее и Самарии. Остальное Израиль готов уступить — при сохранении общего контроля над безопасностью.

В ходе переговоров придется что-то дать и Саудовской Аравии. Если сначала будут нормализованы отношения, а потом стороны перейдут к переговорам, которые пройдут в саудовском посольстве в Израиле, — понятно, что цена вопроса будет выше. Если же нам опять придется таскать за кого-то каштаны из огня, а потом они сделают вид, что мы не знакомы, — цена будет ниже.

— С Ближнего Востока перенесемся в Москву. За последние пару лет премьер-министр Нетаниягу побывал в России девять раз — больше, чем любой другой западный лидер. Что это: стратегическое партнерство или всего лишь разграничение интересов в зоне сирийского конфликта? И насколько изменилась ситуация на сирийском треке после крушения ИЛ-20?

— Вы хотите спросить, стоила ли игра свеч? Стоило ли рисковать авторитетом, иметь неприятный разговор с Вашингтоном, столкнуться с недопониманием в Европе — ради того, чтобы выстроить отношения с Путиным? Ответ нынешнего израильского руководства — да, стоило. В Сирии создана система фактов на местности, которую даже при нынешнем

ухудшении отношений невозможно повернуть вспять. Четыре года ВВС Израиля и спецназ чувствовали себя на границе с Сирией абсолютно свободно. В какой-то момент этот аспект отношений с российским руководством достиг своего предела, но товар в виде неких договоренностей остался — он поставлен и возврату не подлежит.

Премьер Израиля Нетаниягу с президентом России Путиным на Параде Победы

— Как скажется на ситуации в сфере безопасности поставка С-300 режиму Асада?

— Мы бы покривили душой, сказав, что эти системы можно просто игнорировать. Но непреодолимым препятствием для израильских ВВС они не станут, и для Москвы это не секрет. Сейчас там ведут линию в стиле: мы столько раз шли вам навстречу, игнорируя интересы своих союзников — иранцев и сирийцев, — но это игра на публику. В реальности Москва была заинтересована в разграничении сферы интересов не меньше, чем Иерусалим. России очень не хотелось, чтобы Израилю пришлось «тестировать» ее системы ПВО.

Сегодня Москва оказалась в ситуации невозможного выбора между Ираном и Израилем. Четыре года она позволяла своим партнерам разбираться между собой. Даже когда иранцы перевели свои базы поближе к российским и израильтяне стали их бомбить, — в Москве молчали. При этом за все эти двести с лишним операций ни один российский военнослужащий, как выразился министр обороны Израиля Авигдор Либерман, не был даже

поцарапан. Этот механизм начал давать сбои, и есть риск, что израильским ВВС придется протестировать С-300. Для Израиля это будет непросто, но для России — вообще катастрофа. Поэтому она так быстро старается подписать оружейные контракты — с Индией, Турцией и т.д., уверяя, что С-300 может сбивать F-16.

— В какой мере Израиль вынужден считаться с российскими интересами в регионе?

— Израиль понимает, что российское присутствие в Сирии — сложившийся факт и долгосрочный фактор. Он также понимает, что союзники России — наши враги. И Россия, и Израиль ведут там борьбу со «своими» террористами — РФ с Ираном воюют с суннитскими террористами, а Израиль — с шиитскими.

Разумеется, произнесено много слов и сделано много громких заявлений, но если их проигнорировать, как и проигнорировать многодневный антисемитский фестиваль на российских федеральных каналах, то в целом мало что изменилось. Израильская политика будет примерно той же — разве что с более активным применением технических новинок.

Почему Россия пошла на такое обострение — другой вопрос. Командующий ВВС Израиля Амикам Норкин представил в Москве 40-страничный отчет, который, вероятно, был столь убедителен, что не оставлял хозяевам пространства для маневра. И там не нашли ничего лучшего, кроме сакраментального *вывсеврети*.

Понятно, что президент Путин в ситуации, когда его рейтинг впервые снизился примерно на треть, не может дать слабину. В Израиле понимают, в каком положении оказался Владимир Владимирович, но в целом ситуация не претерпит кардинальных изменений.

ИЛ-20 ВВС России

*Главком ВВС Израиля Амикам
Норкин*

— И, наконец, вечная тема — сектор Газа. Результаты недавнего опроса, согласно которому 57% евреев-израильтян поддерживают переговоры с движением ХАМАС (даже среди правых таких 45%), — обескураживают. Отказ от переговоров с террористами на протяжении десятилетий был одним из краеугольных принципов израильской политики. Вектор общественных настроений столь сильно изменился?

— Израиль не ведет переговоры с террористами, захватившими заложников или угнавшими самолет, — это другая история. Но ХАМАС — это террористы, ставшие сувереном на определенной территории, — по сути, правительство Газы. Когда-то израильские крайне левые требовали вести с этими людьми переговоры, как с ООП, — без предварительных условий. Сегодня об этом речь не идет, и опрос фиксирует, скорее, отношение к переговорам не с ХАМАСом, а *по поводу* ХАМАСа. Когда первый канал израильского ТВ сообщает о встрече министра по делам регионального развития Израиля с главой египетской разведки генералом Сулеймани, темой которой было положение в Газе, об этом говорят как переговорах между Израилем и ХАМАСом. Что, мягко говоря, не так. Такие контакты призваны обеспечить относительное спокойствие на границе с сектором, и отсюда до прямых переговоров с ХАМАСом дистанция огромного размера.

Панорама Газы

— Мы начали со сделки века, ею же и закончим. Условия будущего мирного плана еще не оглашены, но противники уже заявили о себе. Как заявил после визита в Москву заместитель главы политбюро ХАМАСа Абу-Марзук: «Мы договорились с русскими, что не позволим продвигать сделку века». Россия всерьез намерена играть на стороне наиболее экстремистских сил на палестинской улице?

— Для Москвы очень соблазнительно разыгрывать палестинскую карту — это поддерживает ее релевантность в суннитском мире. Что для РФ актуально, поскольку, с точки зрения суннитов, в Сирии против них воюет шиитско-российский блок. Чтобы разрядить обстановку, время от времени и произносятся навязшие на зубах мантры, за которыми ничего не стоит.

Что касается Абу-Марзука, то ни режим ПНА в Рамалле, ни режим ХАМАСа в Газе в «сделке века» участия не принимают. Вожди Газы, разумеется, будут бороться до последнего палестинца, но им нечего предложить населению — цели, которые они ставили, начиная войну в 2014 году, — не достигнуты, поэтому все, что им остается, — это поддерживать свой имидж Движения

исламского сопротивления. При этом от 70% до 90% населения Газы считает, что за всеми беспорядками на границе и маршами возвращения стоят не «социально активные граждане», а ХАМАС. Который, в свою очередь, подогревает ситуацию, заявляя, что за ним сила — например, Россия. Мол, Москва разнесла Сирию вдребезги, Асада спасла и нас спасет. Об утопичности подобных надежд не приходится и говорить.

Беседовал Михаил Гольд